

Александр Казинцев
Послесловие к подборке стихов Игоря Киселёва
// Наш современник. – 1987. - № 1. – С. 95-96.

Биография Игоря Киселева проста и во многом типична для миллионов людей, выросших в деревне, приехавших в город, чтобы учиться, и ставших интеллигентами в первом поколении. Родился в 1933 году в алтайском селе. Окончил Новосибирский пединститут. Служил в армии. В Кемерове, куда приехал после службы, работал редактором - в молодежной газете, в издательстве, на телевидении. Выпустил пять стихотворных сборников. Плавная, без резких поворотов дорога, внезапно оборвавшаяся на подъеме.

Внутренняя, духовная жизнь поэта была, видимо, сложнее, драматичнее. В его книгах есть стихи о бессонницах, о мучительных сомнениях в собственном предназначении, в способности врачевать словом души неприкаянных, сорвавшихся с места, затерявшихся в «квадратных» городских кварталах людей. Он признавался: «Я прошел через боль и сомненья, потерял своим поискам счет...»

Заинтересовавшись поэзией Игоря Киселева, я стал собирать материалы о нем. Вот газета со статьей о стихах Киселева, напечатанной еще при его жизни. Статья помещена на последней странице (место, традиционно отводимое литературным материалам) между сообщением о футбольном матче и киноафишей. Глаз то и дело невольно фиксирует: «Новый широкоформатный американский художественный фильм «Бегущий человек», «Новый аргентинский цветной художественный фильм «Мне нравится эта девчонка», просто «Новые центурионы»... Случайное соседство? Отчего же, скорее, жизненный контекст.

Да, поэтическое слово рождается сегодня среди этой мишуры, куда как активно проникающей в сознание современного человека, и если оно подлинное - прорывается сквозь нее, противоборствует с ней. Поэт, очень демократичный в своих творческих установках, И. Киселев не просто знал, что его адресат отнюдь не рафинированный ценитель изящного, он любил

этого «обыкновенного» человека, по выходным покупающего билет на какое-нибудь «цветное широкоформатное» действо, с увлечением читающего репортажи о футбольных матчах, живущего на фоне включенного телевизора. Любил и стремился помочь. Потому что знал - приходит время, когда весь этот теле- и киноуют перестает удовлетворять запросы живой души:

Тебе осточертели –
Такая полоса –
И радио-, и теле-,
И киночудеса.
И хочется простого:
Сиянья и простора,
Предутренней звезды,
Колодезной воды.

Писал Игорь Киселев именно о «простом». О большом дереве, к которому после скитаний под дождем можно, «как к другу, прижаться мокрую спиной», о лиственном шорохе, о звездах, плывущих «по древней и тайной тропе», о «приближающейся шагом» грозе. Нет, автор не стремился во что бы то ни стало увести своего возжаждавшего подлинной жизни читателя в лесную идиллию. Открыть целительную красоту в обыденном, «опоэтизировать, наполнить глубоко человеческим содержанием вещи, которые мы попросту привыкли считать банальными», - вот задача поэзии, как ее формулировал И. Киселев.

Стихи И. Киселева почти лишены броских примет. Они свободны от ярких метафор, звучных рифм. Убежденный в том, что поэзия - «неотложная помощь души», автор вел с читателем негромкий доверительный разговор. Он сознательно стремился сделать как можно менее ощутимой фактуру стиха. Однако не стоит недооценивать мастерства поэта - только свободное владение словом позволяет речи течь так естественно, раскованно.

Киселев не боялся показаться наивным, добрым, порою сентиментальным - таким, каким он и был в реальной жизни. Все, кто писал о

поэте (после его смерти в местной прессе появилось несколько публикаций), упоминают о его «сияющей» улыбке, человечности. Ведя с читателем душевную беседу, он не думал о том, как выглядит. Наверное, только в далекой русской провинции люди не научились говорить так безоглядно и бесхитро. Иная чересчур сентиментальная, строка, патетический оборот в стихах И. Киселева способны покори́ть строгого ценителя стиха. Но тот, кто любит поэзию, думаю, согласится - достоинства открыто эмоциональной манеры (ставшей столь редкостной после смерти Н. Рубцова) с лихвой искупают ее недостатки.

Почему же эта самобытная поэзия только сейчас приходит к широкому читателю? Ответ может показаться неправдоподобным - ведь мы уже успели привыкнуть к тому, что стихотворцы, едва заявив о себе, устремляются на штурм издательств, требуют книг, премий, прессы. Игорь Киселев не требовал признания и не спешил в столицу. Зональное совещание молодых писателей, «открывшее» его в начале шестидесятых, дало Киселеву рекомендацию, позволявшую обратиться в издательство «Молодая гвардия». Однако поэт не воспользовался ею. Ему казалось, что голос еще недостаточно окреп, чтобы говорить, обращаясь ко всей России. Безжалостная требовательность к себе и годы спустя не позволила Киселеву послать рукопись в Москву.

Как богата талантами наша провинция, думаешь, читая И. Киселева, - какой это поистине неисчерпаемый источник творческих сил. Но не только гордость - чувство ответственности следовало бы испытывать нам, столичным критикам и редакторам. Все ли имена нам известны? Не случится ли так, что о существовании еще одного талантливой поэта мы узнаем уже после его смерти, как было с А. Прасоловым, Н. Рубцовым (при жизни он не получил и сотой доли посмертного внимания и признания), И. Киселевым?

Как многие поэты, он предчувствовал кончину. Об этом написанные незадолго до смерти стихи: «На первое стихотворенье, на первый вздох и первый взгляд слетает легкий снег забвенья, снежинки мягкие летят... И

перед этой зыбкой шалью, означенной едва-едва, бессильны все мои слова. Не скоро сеет снег, не скоро, и прячутся в его тени уже неясные для взора слова и сны, дела и дни». Прекрасные стихи, высвеченные светом, «которому имени нет». Доказывающие с неопровержимостью, что слова все-таки не «бессильны» - слову истинной поэзии дано воскрешать минувшее. Читатели подборки Игоря Киселева смогли еще раз убедиться в этом.